

Дядя Жюль. Ги де Мопассан

Ашилю Бенувилу[1]

Старый нищий с седой бородой попросил у нас милостыню. Мой спутник Жозеф Давранш дал ему пять франков. Это меня удивило. Жозеф сказал:

— Несчастный старик напомнил мне один случай, который я тебе сейчас расскажу. Я никогда его не забуду. Слушай.

Я родом из Гавра. Семья была небогатая, кое-как сводили концы с концами. Отец служил, возвращался из конторы поздно вечером и получал за свой труд гроши. У меня были две сестры.

Необходимость урезывать себя во всем угнетала мою мать, и нередко отцу приходилось выслушивать от нее колкости, скрытые язвительные упреки. Бедняга неизменно отвечал на них жестом, причинявшим мне глубокое страдание. Он проводил ладонью по лбу, словно отирая пот, и не произносил ни слова. Его бессильная печаль передавалась мне. В хозяйстве экономили на чем только могли; никогда не принимали приглашений на обед, чтобы не пришлось, в свою очередь, звать гостей. Покупали провизию подешевле — то, что залежалось в лавке. Сестры сами шили себе платья и подолгу обсуждали вопрос о покупке тесьмы, стоившей пятнадцать сантимов метр. Изо дня в день мы ели мясной суп и вареную говядину под всевозможными соусами. Говорят, это полезно и питательно. Я предпочел бы что-нибудь другое.

Мне жестоко доставалось за каждую потерянную пуговицу, за разорванные штаны.

Но каждое воскресенье мы всей семьей отправлялись, во всем параде, гулять на мол. Отец, в сюртуке и перчатках, с цилиндром на голове, вел под руку мать, разукрашенную, словно корабль в праздничный день. Сестры обычно были готовы раньше всех и ждали, пока кончатся сборы. Но в последнюю минуту на сюртуке главы семьи всегда обнаруживалось какое-нибудь пятно, не замеченное раньше, и приходилось спешно затирать его тряпочкой, намоченной в бензине.

Надев очки, так как она была близорука, и сняв перчатки, чтобы их не запачкать, мать выводила пятно, а отец стоял, не снимая цилиндра, в одной жилетке и дожидался конца этой процедуры.

Затем торжественно трогались в путь. Впереди под руку шли сестры. Они были на выданье, и родители пользовались случаем показать их людям. Я шел по левую руку матери, отец — по правую. Мне вспоминается величественный вид бедных моих родителей во время этих воскресных прогулок, их застывшие лица, чинная поступь. Они шли размеренным шагом, не сгибая колен, и держались очень прямо, словно от их осанки зависел успех какого-то чрезвычайно важного предприятия.

И каждое воскресенье при виде огромных кораблей, возвращавшихся из дальних, неведомых стран, отец неизменно говорил:

— А вдруг на этом пароходе приехал Жюль! Вот был бы сюрприз!

Дядя Жюль, брат моего отца, некогда приводивший семью в отчаяние, теперь стал единственной ее надеждой. Я с раннего детства слышал рассказы о дяде Жюле и так сроднился с мыслью о нем, что мне казалось, я узнал бы его с первого взгляда. Его прошлое, до самого отъезда в Америку, было известно мне во всех подробностях, хотя в семье об этом периоде его жизни говорили вполголоса.

По-видимому, он вел беспутную жизнь, иначе говоря, промотал порядочно денег, а в небогатых семьях это считается самым тяжким преступлением. В кругу богачей о человеке, любящем покутить, говорят, что он проказничает. Его со снисходительной улыбкой называют шалопаем. В кругу людей неимущих молодой человек, который растратил сбережения родителей, — распутник, мот, негодяй.

И это различие вполне справедливо, так как значение наших поступков всецело определяется их последствиями.

Как бы там ни было, дядя Жюль сначала промотал до последнего су свою долю родительского наследства, а затем основательно уменьшил и ту часть сбережений, на которую рассчитывал мой отец.

Его, как тогда было принято, отправили в Америку на грузовом пароходе, шедшем из Гавра в Нью-Йорк.

Очутившись в Америке, дядя Жюль занялся какими-то торговыми делами и вскоре написал родным, что обстоятельства его понемногу поправляются и что он надеется со временем возместить убыток, причиненный им моему отцу.

Это письмо произвело огромное впечатление на всю семью. Жюль, тот самый Жюль, которого раньше, что называется, ни в грош не ставили, вдруг был объявлен честнейшим, добрейшей души человеком, истым представителем семьи Давранш, безупречным, как все Давранши.

Затем капитан какого-то парохода сообщил нам, что дядя снял большой магазин и ведет крупную торговлю. Второе письмо, полученное два года спустя, гласило: «Дорогой Филипп! Пишу для того, чтобы ты не беспокоился обо мне. Я в добром здоровье. Дела мои тоже идут хорошо. Завтра я надолго уезжаю в Южную Америку. Возможно, что в течение нескольких лет от меня не будет известий. Не тревожься, если я не буду писать. Я вернусь в Гавр, как только разбогатею. Надеюсь, на это потребуются не слишком много времени, и тогда мы славно заживем все вместе».

Это письмо стало как бы евангелием нашей семьи. Его перечитывали при всяком удобном случае, его показывали всем и каждому.

Действительно, в течение десяти лет от дяди Жюля не было никаких известий. Но надежды моего отца все крепили с годами, да и мать часто говаривала:

— Когда вернется наш дорогой Жюль, все пойдет по-иному. Вот кто сумел выбиться в люди!

И каждое воскресенье при виде исполинских черных пароходов, которые приближались к гавани, изрыгая в небо клубы дыма, отец неизменно повторял:

— А вдруг на этом пароходе едет Жюль? Вот был бы сюрприз!

И казалось, сейчас на палубе появится дядя, взмахнет платком и закричит:

— Эй, Филипп!

На его возвращении, в котором никто из нас не сомневался, строились тысячи планов. Предполагалось даже купить на дядюшкины деньги домик в окрестностях Энгувилля. Я подозреваю, что отец уже вел кое-какие переговоры по этому поводу.

Моей старшей сестре исполнилось двадцать восемь лет, младшей — двадцать шесть. Обе они не выходили замуж, и это сильно удручало нас всех.

Наконец для младшей сестры нашелся жених: чиновник, человек небогатый, но приличный. Я твердо убежден, что именно письмо дяди Жюля, прочитанное молодому человеку однажды вечером, положило конец его колебаниям и придало ему смелости.

Его предложение приняли сразу, и было решено, что после свадьбы мы всей семьей съездим на остров Джерси.

Путешествие на остров Джерси — заветная мечта бедных людей. Это совсем недалеко. Стоит только проехать по морю на пакетботе — и ты уже за границей: ведь остров принадлежит Англии. Двухчасовая поездка морем дает французу возможность побывать в соседней стране и ознакомиться на месте с нравами — впрочем, малопривлекательными — населения этого острова, над которым, как выражаются люди, говорящие безыскусственным языком, реет британский флаг.

Мысль о путешествии на Джерси захватила нас всех, оно стало нашим единственным стремлением, мечтой, с которой мы ни на минуту не расставались.

Наконец мы отправились в путь. Как сейчас вижу пароход, стоящий под парами у набережной Гранвиль; отца, с озабоченным видом следящего за погрузкой наших трех чемоданов; взволнованную мать под руку с незамужней сестрой, которая после свадьбы младшей совершенно растерялась, словно цыпленок, отбившийся от выводка; и, наконец, новобрачных, все время отстававших, что заставляло меня то и дело оборачиваться.

Раздался гудок. Мы поднялись на палубу, и пароход, обогнув мол, вышел в открытое море, гладкое, словно доска зеленого мрамора. Мы смотрели, как удаляется берег; мы были счастливы и горды, как все те, кому редко случается путешествовать.

Отец стоял приосанившись, выпятив живот под сюртуком, с утра тщательно вычищенным, и распространял вокруг себя запах бензина — праздничный запах, по которому я узнавал воскресные дни.

Вдруг его внимание привлекли две нарядные дамы, которых двое мужчин угощали устрицами. Старик матрос, одетый в отрепья, ловко вскрывал раковины ножом и подавал мужчинам, а те подносили их дамам. Дамы ели устрицы очень изящно: держа раковину над тонким носовым платком и вытянув губы, чтобы не закапать платье, они быстро, одним глотком, выпивали содержимое и бросали раковину в море.

Отца, по-видимому, пленила эта изысканная затея — есть устрицы на пароходе, в открытом море. Это показалось ему признаком хорошего тона, утонченного аристократизма. Он подошел к жене и дочерям и спросил их:

— Хотите, я угощу вас устрицами?

Мать медлила с ответом, ее пугал лишний расход; сестры же сразу согласились. Мать сказала недовольным тоном:

— Боюсь, как бы мне это не повредило. Угости детей, но в меру, а то они, пожалуй, еще захворают.

Повернувшись ко мне, она прибавила:

— А Жозефу вообще незачем есть устрицы. Мальчиков не следует баловать.

Я чувствовал себя несправедливо обойденным, но мне пришлось остаться подле матери; я следил глазами за отцом, который с необычайно важным видом направлялся в сопровождении обеих дочерей и зятя к оборванному старику матросу.

Обе дамы уже ушли с палубы. Отец стал объяснять сестрам, как нужно держать устрицу, чтобы содержимое не вытекало из нее. Желая наглядно показать им это, он схватил устрицу и попытался подражать дамам, но немедленно пролил всю жидкость на свой сюртук.

Мать сердито проворчала:

— Сидел бы уж лучше на месте!

Вдруг мне почудилось, что отец чем-то обеспокоен. Он отступил на несколько шагов, пристально взглянул на дочерей и зятя, теснившихся вокруг продавца устриц, круто повернулся и подошел к нам. Он показался мне очень бледным, а в его глазах было какое-то странное выражение. Вполголоса он сказал матери:

— Прямо удивительно, до чего старик с устрицами похож на Жюля!

— На какого Жюля? — в недоумении спросила мать.

— Да на моего брата... Если б я не знал, что он в Америке и что ему хорошо живется, я решил бы, что это он, — продолжал отец.

Мать в испуге пробормотала:

— Ты с ума сошел! Ведь ты отлично знаешь, что это не он. Зачем же говорить глупости?

Но отец настаивал:

— Пойди, Клариса, посмотри на него; мне хочется, чтобы ты убедилась собственными глазами.

Мать встала и подошла к дочерям. Я принялся разглядывать матроса. Старый, грязный, весь в морщинах, он был целиком поглощен своей работой.

Мать вернулась. Я заметил, что она дрожит. Она торопливо сказала отцу:

— Мне кажется, это он. Пойди расспроси капитана. Главное — будь осторожен, а то этот бездельник, чего доброго, опять сядет нам на шею.

Отец направился к капитану. Я пошел следом за ним. Меня охватило какое-то странное волнение.

Капитан, высокий худощавый мужчина с длинными бакенбардами, прогуливался по мостику; вид у него был такой важный, словно он командовал пароходом, совершавшим рейс в Индию. Отец с изысканной учтивостью поклонился ему и стал предлагать вопросы, относившиеся к его профессии, пересыпая их комплиментами:

— Чем замечателен Джерси? Какие отрасли производства развиты на острове? Каковы численность и состав его населения? Нравы и обычаи жителей? Какая там почва? — И так далее и так далее.

Можно было подумать, что речь идет по меньшей мере о Соединенных Штатах.

Поговорили и о пароходе «Экспресс», на котором мы находились, затем перешли к его команде, и тут отец с дрожью в голосе сказал:

— Меня очень заинтересовал старик, торгующий устрицами. Не знаете ли вы каких-нибудь подробностей о нем, о его жизни?

Капитана этот разговор начинал раздражать, и он сухо ответил:

— Это старый бродяга, француз. В прошлом году я подобрал его в Америке и теперь привез на родину; у него, кажется, есть родственники в Гавре, но он не хочет показываться им на глаза, потому что задолжал им. Его зовут Жюль... Жюдь Дарманш или Дарванш, что-то в этом роде. Говорят, в Америке он одно время был богат, а теперь сами видите, до чего дошел.

Отец был мертвенно бледен, глаза его блуждали. Сдавленным голосом он проговорил:

— Так... так... Очень хорошо... Прекрасно... Это меня ничуть не удивляет... Очень вам благодарен, капитан...

И отошел. Моряк в недоумении поглядел ему вслед. Отец вернулся к матери с таким расстроенным видом, что она сказала:

— Сядем... а то еще заметят.

Отец грузно опустился на скамью и пролепетал:

— Это он... Я ведь говорил: это он!

Немного погодя он спросил:

— Что же нам делать?

Мать решительно заявила:

— Надо прежде всего увести оттуда детей. Жозеф сейчас сходит за ними, раз уж он все знает. Главное, надо постараться, чтобы зять ни о чем не догадался...

Отец был сражен. Он еле слышно прошептал:

— Какое несчастье!

Мать, вдруг разъярившись, зашипела:

— Я так и знала, что этот дармоед никогда ничего не добьется и в конце концов опять сядет нам на шею. Да, от Давраншей не дождешься ничего хорошего!

Отец молча провел ладонью по лбу, как делал всегда, когда мать осыпала его упреками. А она продолжала:

— Дай Жозефу денег, пусть он сейчас же пойдет и рассчитается за устрицы... Недостает только, чтобы этот нищий узнал нас! Воображаю, какое это произвело бы впечатление на пассажиров! Мы перейдем на другой конец палубы, а ты уж позаботься о том, чтобы мы с ним больше не встретились.

Она встала, и они оба ушли, вручив мне пятифранковую монету. Сестры в недоумении дожидались отца. Объяснив им, что у матери легкий приступ морской болезни, я обратился к старику:

Сколько вам следует, сударь?

Мне хотелось сказать: «дядя».

— Два франка пятьдесят, — ответил старик.

Я дал ему пять франков, он протянул мне сдачу.

Я смотрел на его руку, худую, морщинистую руку матроса; я вглядывался в его лицо, измученное, старое лицо, унылое и жалкое, и повторял про себя: «Это мой дядя, папин брат, мой дядя!».

Я дал ему десять су на чай. Он с благодарностью сказал:

— Да благословит вас господь, молодой человек!

Он произнес эти слова тоном нищего, который принимает подаяние. Я подумал, что там, за океаном, ему, наверно, приходилось просить милостыню. Сестры, пораженные моей щедростью, смотрели на меня во все глаза.

Когда я отдал отцу два франка сдачи, мать с изумлением спросила:

— Неужели устрицы стоили целых три франка? Не может быть...

Я твердо сказал:

— Я дал десять су на чай...

Мать привскочила и в упор посмотрела на меня:

— Ты с ума сошел! Дать десять су этому бродяге!..

Она запнулась: отец глазами указывал ей на зятя.

Все притихли.

Впереди, на горизонте, обозначалась темно-лиловая полоса, казалось, выроставшая из моря. Это был Джерси.

Когда мы подъезжали к пристани, меня охватило желание еще раз увидеть дядю Жюля, подойти к нему, сказать ему несколько ободряющих ласковых слов.

Но теперь уже никто не спрашивал устриц, и он исчез; вероятно, бедный старик спустился в вонючий трюм, служивший ему пристанищем.

Чтобы избежать встречи с ним на обратном пути, мы вернулись домой через Сен-Мало. Мать совсем извелась от беспокойства.

Я никогда больше не видел моего дядю.

Вот почему я иногда даю пять франков нищему.

Примечания

1 Ашиль Бенувиль (1815—1891) — французский художник-пейзажист.